

Его глаза были слегка узкими, с немного приподнятыми уголками, а зрачки — чёрными, словно обсидиан. Длинные, чуть подкрученные ресницы темнели у внешних уголков глаз, будто мазок густой туши. Когда ресницы приподнялись, его взгляд, напомилавший туманную дымку над рекой, приобрёл неожиданную остроту.

Когда эти глаза были закрыты, он, несомненно, тоже был прекрасен. Однако, вероятно, из-за ран его лицо казалось неестественно бледным, а губы — бескровными. Он весь казался картиной, написанной тушью, где мягкость сочеталась с силой, а изящество — с непоколебимостью, словно порождение неземной красоты, настолько чарующей, что в её реальность было трудно поверить.

Но именно глаза становились тем самым штрихом, что оживлял его неземной облик, делая его живым и осязаемым.

Правда, в глубине этих глаз сквозил холод, от которого пробирало до костей. Стоило взглянуть в них — и мороз пробежал по коже, вынуждая отводить взгляд.

Во сне этот человек напоминал спящего небожителя, словно прекрасный принц из легенд. Но стоило ему открыть глаза — оживший образ наполнялся леденящей отчуждённостью. Если бы кто-то из тех, кто знал Старейшину Чанцина, оказался здесь, он непременно отшатнулся бы на безопасное расстояние, почтительно поклонился и больше не осмелился бы смотреть ему в лицо.

Но Ван Дачжуан был человеком простым и грубоватым. Он никогда не видел, как Старейшина Чанцин в гневе являет миру своё истинное величие, поэтому и не мог осознать всю его грозность.

Когда он впервые увидел этого человека, тот был в плачевном состоянии, больной и слабый, и было непонятно, выживет ли он. Поэтому Ван Дачжуану было трудно испытывать страх перед ним. Напротив, он находил, что длинные ресницы этого человека, медленно открывающиеся, словно крылья бабочки, вызывают жалость.

Он даже в мыслях возмутился: «Какой же бессердечный негодяй посмел так его ранить?! Он что, слепой? Слепой?!»

Когда незнакомец спал, Ван Дачжуан чувствовал себя уже почти своим, без умолку болтая с ним, как со старым приятелем. Но теперь, когда тот открыл глаза, он вдруг замолк и замер, уставившись в холодные, внимательные зрачки.

После неловкого молчания он наконец выдал из себя:

— Э-э... Меня зовут Ван Дачжуан. Я нашёл тебя в горах, когда охотился. Ты сильно ранен, и я хотел позвать дядю Ван Эршу, чтобы он тебя осмотрел.

Он задумался на мгновение, а затем утешительно добавил:

— Не бойся, я о тебе позабочусь.

Юй Чанцин молчал, разглядывая простоватое, но мужественное лицо Ван Дачжуана, одновременно направляя на него невидимую волну ледяного холода — ту самую, что обычно заставляла людей отступать. Даже сам глава секты не раз отшатывался от его взгляда.

Но этот деревенский парень и не думал отступать. Напротив, он утешал его?

Не бойся? Позаботится о нём? Он, великий Почтенный Ханьян*, будет бояться? Ему нужно, чтобы о нём заботились? Это же смешно!

*почётный титул Юй Чанцина в мире культивации, бук. пер. Почтенный Холодное солнце

Хм, смешно...

Он проигнорировал странное чувство, которое на мгновение вспыхнуло в груди, и холодно подумал: «Неужели этот человек глуп?»

Нет, прошлой ночью он ненадолго приходил в сознание, и хотя человек перед ним был грубоват, он умело обработал рану и говорил внятно, а не так, будто у него плохо с мозгами.

А судя по поведению Ван Дачжуана с прошлой ночи до настоящего момента, он не был скрытым мастером с глубокими способностями. Оставалось только одно объяснение: сердце этого человека было столь же велико, как горы, и столь же глубоко, как море.

Ван Дачжуан, видя, что тот молчит и лишь пристально смотрит на него, тоже задумался. Неужели бессмертный господин повредил голову? Почему он ничего не говорит?

Он неуверенно позвал:

— Сяньцзюнь? Ты в порядке?

Юй Чанцин нахмурился. С момента пробуждения он пытался циркулировать свою духовную энергию, но обнаружил, что его меридианы закупорены и в нескольких местах разорваны, что делает невозможным использование энергии. Кроме того, в его даньтяне ощущалась тупая боль, и внутри царил хаос. Ситуация была крайне неблагоприятной.

В таком состоянии, близком к полной утрате духовной силы, даже трава и деревья начинают казаться солдатами*. Даже он, известный во всём мире Почтенный Ханьян, не был

исключением.

*это идиома, означающая состояние крайней подозрительности и страха, когда человек видит угрозу даже в самых безобидных вещах

Теперь он не мог использовать духовную энергию, в его теле не ощущалось ни малейших её колебаний. Его аура должна была быть такой же, как у обычного человека, а перед ним стоял всего лишь простой крестьянин. Как этот человек сразу догадался, что он культиватор?

<http://bllate.org/book/12569/1117897>